

Фердинанд де Соссюр и мировая лингвистика
(к 100-летию первого издания
«Курса общей лингвистики»)

В. М. Алпатов

ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ РАН, МОСКВА

Аннотация. Основателем структурализма считается Фердинанд де Соссюр. Однако сходные со структурализмом идеи раньше него высказывали и некоторые другие ученые: прежде всего, надо назвать Н. В. Крушевского и И. А. Бодуэна де Куртенэ. Ученик Соссюра А. Сеше опубликовал некоторые сходные идеи в 1908 г. Но концепция Соссюра была самой четкой, она проводила жесткие границы между лингвистическими дисциплинами: лингвисты изучают язык, а не речь, синхронную, а не диахроническую лингвистику и т. д. Некоторое время это было полезно: такие ограничения давали возможность концентрироваться на детальном изучении ограниченной сферы явлений. Однако эти ограничения оказались слишком жесткими. Н. Хомский с 1957 г. их очень резко критиковал. Современная функциональная (когнитивная и коммуникативная) лингвистика считает дескриптивный подход к языку неадекватным и ищет пути для построения объяснительной лингвистики. Она не ограничивает свой объект и включает в сферу исследований все явления, связанные с процессами речи и ее восприятия.

Ключевые слова: Ф. де Соссюр, И. А. Бодуэн де Куртенэ, А. Сеше, синхрония, диахрония, язык, речь, внутренняя лингвистика, внешняя лингвис-

Алпатов В. М. Фердинанд де Соссюр и мировая лингвистика (к 100-летию первого издания «Курса общей лингвистики») // Критика и семиотика. 2017. № 1. С. 10–24.

ISSN 2307-1737. Критика и семиотика. 2017. № 1
© В. М. Алпатов, 2017

тика, структурализм, функционализм, когнитивная лингвистика, коммуникативная лингвистика.

УДК 821.161.1

Контактная информация: Алпатов Владимир Михайлович, доктор филологических наук, профессор, член-корреспондент РАН, директор Института языкознания РАН (Большой Кисловский пер., д. 1, стр. 1, Москва, 125009, Россия, v-alpatov@ivran.ru)

Тематика, связанная с «Курсом общей лингвистики» Ф. де Соссюра, вышедшим в 1916 г. в Швейцарии и затем неоднократно издававшимся на многих языках, неисчерпаема. Я сосредоточусь на двух вопросах: причины того, почему именно Соссюр принято считать основателем лингвистической парадигмы структурализма, и соотношение между кругом первоочередных задач, намеченным в «Курсе», и тематикой современной лингвистики.

В истории мировой лингвистики XIX век прошел под знаком историзма. Господствующие представления того времени, пожалуй, наиболее четко выразил в 1880 г. Г. Пауль: «Как только исследователь переступает за пределы простой констатации единичных фактов, как только он делает попытку усвоить связь между явлениями и понять их, так сразу же начинается область истории» [Пауль, 1960, с. 43]. Разумеется, лингвистика, не занимающаяся языковой историей, всегда существовала. Однако чаще всего она развивалась вне университетов и академий – при этом по-разному для «своих» и «чужих» языков. «Свои» языки описывали либо педагоги, авторы гимназических учебников, либо непрофессионалы – собиратели фактов (показательны такие замечательные дилетанты, как В. И. Даль и Н. Вебстер). «Чужие» языки более всего описывали миссионеры, иногда чиновники или военные. Материалы всех этих работ учитывались «серьезной наукой», но их роль признавалась лишь с точки зрения «простой констатации единичных фактов».

Однако к концу века его ведущая научная парадигма, не перестав, развивается, вступила в период кризиса. Многие лингвисты чувствовали, что значительное число проблем остается вне рассмотрения. Попытки выхода из кризиса были очень разнообразны и шли по разным направлениям. Это и «школа слов и вещей», и лингвистическая география, и возврат к идеям В. фон Гумбольдта. Наиболее экзотической и, в конечном счете, тупиковой попыткой стало «новое учение о языке» Н. Я. Марра. А самым перспективным оказался путь построения синхронной лингвистики, который предложил Ф. де Соссюр.

Но швейцарский ученый, как обычно бывает в подобных случаях, был не единственным, кто выбрал этот путь. В разных странах с 70–80-х гг. XIX в. до кануна появления «Курса» те или иные ученые выдвигали идеи, сходные с соссюрскими. Я не претендую на исчерпывающий перечень, но были и У. Д. Уитни (единственный, кого Соссюр назвал предшественником), и Н. В. Крушевский, и И. А. Бодуэн де Куртенэ, и, наконец, прямой ученик Соссюра Альбер Сеше, чья книга «Программа и методы теоретической лингвистики» была издана еще в 1908 г. Вероятно, в последнем случае отразились через устное общение и некоторые идеи Соссюра, но это все же оригинальное сочинение, имеющее значительные отличия от «Курса». Большинство положений «Курса» в том или ином виде высказывалось до его появления; единственным исключением считается концепция двусторонности знака. Тем не менее именно книга Соссюра, которую он не писал и, судя по всему, не собирався писать, приобрела столь большое значение.

Чтобы разобраться в этом, надо сравнить идеи «Курса» (речь будет идти только об издании 1916 г.; вопрос о том, насколько оно идентично подлинным идеям Соссюра, я рассматривать не буду) с идеями, высказанными ранее.

Безусловно, в успехе идей именно Соссюра сыграли роль различные факторы: США и Россия были далеко от мировых лингвистических центров в отличие от Швейцарии; в 70–80-е гг. XIX в., когда школа младограмматиков была на подъеме, идеи о правомерности статического подхода могли казаться слишком непривычными, а к 1916 г. к их восприятию уже были готовы многие. Но представляется, что были и содержательные причины.

В ретроспективе не раз говорили о том, что идеи Соссюра не были в то время наиболее богатыми и содержательными. Ученик И. А. Бодуэна де Куртенэ Е. Д. Поливанов писал в 1929 г.: «Относительно прошумевшей последней книги де Соссюра можно уверенно утверждать, что в ней нет никаких новых положений, которые не были бы нам уже известны из учения Бодуэна де Куртенэ» [Поливанов, 1968, с. 185]. Для языковеда, познакомившегося с «Курсом», когда он уже прошел школу у Бодуэна, такой взгляд был неверным, но естественным. Много позже Дж. Гринберг напишет: «Самыми глубокими из всех теорий были, вероятно, теории Крушевского и Бодуэна де Куртенэ, поскольку они включали в свои работы явно сравнительно-исторический компонент» [Greenberg, 1979, p. 287]. Что касается А. Сеше, то позволю себе процитировать свое предисловие к русскому изданию его книги: «В ряде пунктов книга А. Сеше богаче идеями, чем книга его учителя. Достаточно указать на разделы, посвящен-

ные эволюционной лингвистике, дограмматическому языку¹ и фонологии. У Ф. де Соссюра первому разделу соответствует более пространный, но не менее интересная глава по диахронической лингвистике, а глав, соответствующих двум другим разделам, просто нет. Тем не менее, резонанс этих книг абсолютно несопоставим» [Алпатов, 2003, с. 16].

Работавшие же в структурной парадигме лингвисты, знакомые с идеями Соссюра и Бодуэна де Куртенэ, отдавали предпочтение первому, считая главной заслугой второго введение понятия фонемы (его отсутствие обычно признавалось недостатком «Курса»), т. е. на порядок более частное достижение. Типичны здесь высказывания В. Матезиуса начала 1940-х гг.: «Бодуэн... создал понятие фонемы, принадлежащее к основам современной лингвистики. Однако он не смог из своей новаторской концепции сделать все выводы для лингвистического метода и лингвистической системы» [1960, с. 90]. С другими предшественниками Соссюра обычно и не сопоставляли.

В чем, прежде всего, было новаторство Соссюра? Среди его идей были и те, которые развивали и уточняли уже сложившиеся представления, и те, которые шли с ними вразрез. Разграничение языка и речи, внутренней и внешней лингвистики само по себе было новаторским, но всё-таки большинство исследователей языка от александрийцев до младограмматиков занимались именно языком в соссюрском смысле. Это разграничение не вызвало особого неприятия у лингвистов, если только они не отвергали научную парадигму Соссюра в целом, как это было у В. Н. Володинова. Но разделение синхронии и диахронии и тем более выдвигание синхронии на первое место повлекло упреки в «антиисторизме». Этот пункт концепции Соссюра ввиду его непривычности вызвал больше всего несогласий; здесь со швейцарским ученым не соглашалась даже его активная пропагандистка в нашей стране Р. О. Шор [1929, с. 153]. И надо рассмотреть прежде всего, в чем были особенности концепции Соссюра в данном вопросе.

И. А. Бодуэн де Куртенэ писал: «Исследованием законов равновесия языка занимается статика, исследованием же законов движения во времени, законов исторического движения языка – динамика» [1963, с. 110]. С точностью до терминологии здесь есть сходство с разграничением синхронии и диахронии у Соссюра. Но Бодуэн также отмечал: «В языке, как и вообще в природе, все живет, все движется, все изменяется. Спокойствие, остановка, застой – явление кажущееся; это частный случай движения при условии минимальных изменений. Статика языка есть только частный случай его динамики» [1963, с. 349]. А Альбер Сеше писал (1908): «Дис-

---

¹ Под дограмматическим языком у А. Сеше понимается круг явлений, близкий к тому, что у Соссюра именуется речью.

циплины, относящиеся к состояниям языка... дают лишь частичное объяснение их предмета, необходимое, но само по себе недостаточное» [Сеше, 2003, с. 113]. С другой стороны, «чтобы понять эволюцию, надо сначала знать, что эволюционирует. Эволюция – это переход из одного состояния в другое; следовательно, идея эволюции неизбежно связана с идеей некоторых состояний; если последняя идея неясна, первая может быть только неясной» [Там же].

Не то у Соссюра: «Только отбросив прошлое, он (лингвист. – В. А.) может проникнуть в сознание говорящих. Вторжение истории может только сбить его с толку» (с. 115)². «Ясно, что синхронический аспект превагирует над диахроническим, так как для говорящих только он – подлинная и единственная реальность. Это же верно и для лингвиста: если он примет диахроническую перспективу, то увидит отнюдь не язык, а только ряд видоизменяющих его событий» (с. 123). Если исходить из терминологии А. Сеше, то у Соссюра нет связи между идеями состояний и эволюции, а диахрония понимается не как система, которую пытался рассматривать его ученик, а как ряд изолированных друг от друга событий.

Согласно Соссюру, «лингвистика уделяла слишком большое место истории; теперь ей предстоит вернуться к статической точке зрения традиционной грамматики» (с. 115–116). Под «традиционной грамматикой» здесь понималась наука до «Граматики Пор-Рояля» включительно: «например, так называемая грамматика Пор-Рояля пытается описать состояние французского языка в эпоху Людовика XIV и определить составляющие его значимости» (с. 115). Еще пример частого в науке движения по спирали.

Одной из важнейших проблем лингвистической теории является определение круга актуальных проблем науки о языке. Оказывается, что если сравнить программу Ф. де Соссюра с тем, чем занималась университетская и академическая наука до него, то он одновременно расширил и сузил ее проблематику.

Расширение лингвистической проблематики у Соссюра шло за счет «реабилитации» и выдвигания на первый план лингвистики, не связанной с историей. Сложный и теоретически слабо обоснованный, дававший несомненные, но относившиеся лишь к ограниченной области языка результаты компаративный метод стал в какой-то степени тормозом для развития других областей лингвистики. Ф. де Соссюр провозгласил путь к лингвистике, развиваемой специалистами, не использующими сравнительно-исторический метод и даже, может быть, им не владеющими. Столь радикаль-

---

² Здесь и далее цитаты из «Курса общей лингвистики» Ф. де Соссюра даются с указанием номеров страниц по второму русскому изданию в составе книги «Труды по языкознанию» (М., 1977, с. 35–273).

но не размежевывались с компаративным языкознанием ни И. А. Бодуэн де Куртенэ и Н. В. Крушевский, ни А. Сеше в книге 1908 г. (позднее он принял многие идеи «Курса»). В одной из недавних российских работ говорится: «Ф. де Соссюр (скорее даже его последователи) изменил предмет исследований, причем сделано это было замечательным образом – простым проведением границ: вот синхрония, а вот – диахрония; это – язык, а это – речь» [Рахилина, 2000, с. 343]. Границы всё же провел сам Соссюр, но его последователи обустроили эти границы.

Дж. Гринберг отмечал богатство идей И. А. Бодуэна де Куртенэ и Н. В. Крушевского с временной дистанции. А В. Матезиус считал «включение сравнительно-исторического компонента» недостатком: Бодуэн «был введен в заблуждение изменчивым светом психологии и слишком большое внимание уделял факту постоянного изменения в языке». Зато «выдающийся швейцарский лингвист стал строго различать в языкознании диахроническую (динамическую) и синхронную (статическую) точку зрения и эту идею в ее методическом значении трудно переоценить» (1947) [Матезиус, 1960, с. 90]. Концепция Соссюра была проще других вышеупомянутых концепций, а, как известно, всё гениальное просто. По сравнению с другими именно эта попытка преодоления кризиса в лингвистике начала XX в. оказалась самой удачной. Историческая лингвистика к тому времени имела много достижений, но тогда важнее было с ней размежеваться. За подходом Соссюра было будущее. Методы синхронных исследований, к моменту публикации «Курса» мало развивавшиеся со времен грамматики Пор-Рояля, шагнули после этого вперед.

Но Соссюр одновременно и сужал области первоочередных исследований сразу в нескольких направлениях. Соссюр провозгласил: «*Надо с самого начала встать на почву языка и считать его основанием для всех прочих проявлений речевой деятельности*» (с. 47). А «если мы изучаем явления речевой деятельности одновременно с нескольких точек зрения, объект лингвистики выступает перед нами как груда разнородных, ничем между собою не связанных явлений. Поступая так, мы распахиваем двери перед целым рядом наук: психологией, антропологией, нормативной грамматикой, филологией и т. д., которые мы строго отграничиваем от лингвистики, но которые в результате методологической ошибки могут притязать на речевую деятельность как на один из своих объектов» (с. 47). Если язык «представляет собой целостность сам по себе» (с. 48), то речь (= речевая деятельность – язык) принципиально разнородна и не составляет единства (с. 48). И вывод: «Что касается прочих элементов речевой деятельности, то наука о языке вполне может обойтись без них» (с. 53). Речь относится к основным понятиям концепции Соссюра, но определяется фактически лишь остаточно; дается только очень общая ее характери-

ка: «Речь – сумма всего того, что говорят люди»; в ней «нет ничего, кроме суммы частных случаев» (с. 57).

Далее говорится о «лингвистике языка» и «лингвистике речи». Та часть изучения речевой деятельности, которая имеет своим предметом язык, признается основной; а лингвистика речи названа второстепенной (с. 57). Говорится не просто о необходимости различать эти два явления, но о том, что «мы займемся исключительно» лингвистикой языка (с. 58). Правда, в дошедших до нас планах двух курсов в конце имеется тема «Лингвистика речи». Однако в легших в основу издания «Курса» студенческих конспектах ничего по этой теме нет; очевидно, что Соссюр ни разу такую лекцию не прочел.

После отделения лингвистики речи Соссюр отделял разнообразный комплекс дисциплин, который он назвал внешней лингвистикой (вопрос о соотношении лингвистики речи и внешней лингвистики им не обсуждается). Он говорит: «Наше определение языка предполагает устранение из понятия “язык” всего того, что чуждо его организму, его системе, – одним словом, всего того, что известно под названием “внешней лингвистики”, хотя эта лингвистика и занимается очень важными предметами и хотя именно ее главным образом имеют в виду, когда приступают к изучению речевой деятельности» (с. 59). К ней отнесены «все связи, которые могут существовать между историей языка и историей расы и цивилизации», «отношения, существующие между языком и политической историей», вопросы литературного языка, вопросы географического распространения языков (с. 59–60). Можно видеть, что сюда отнесены едва ли не все вопросы, к которым в период, предшествовавший появлению «Курса», обратились лингвисты, недовольные ограничениями, установленными младограмматиками. В современной номенклатуре лингвистических специальностей сюда попадают социолингвистика, стилистика, лингвокультурология, изучение картин мира и др. Сюда даже без всяких оговорок отнесены вопросы «дробления на диалекты», хотя диалекты могут изучаться и в структурном плане. Также во внешнюю лингвистику попадает и изучение заимствований (с. 60–61), хотя в ряде языков подсистемы заимствований могут обладать и структурными особенностями. Внешнелингвистические явления без всяких оговорок названы внеязыковыми, и хотя их изучение признано «весьма плодотворным», но в отличие от лингвистики языка внешняя лингвистика «может нагромождать одну подробность на другую, не чувствуя себя стесненной тисками системы» (с. 60–61).

«Сама по себе чужда внутренней системе языка» и письменность: это лишь «техника, с помощью которой фиксируется язык» (с. 62); значение письма в лингвистике именуется «незаслуженным» (с. 64). Также второстепенен в проблеме речевой деятельности и «вопрос об органах речи»

(с. 48); функционирование этих органов само по себе не является семиологичным, поэтому должно рассматриваться «лишь во вторую очередь» (с. 55). Если органы речи всё же занимают место в «Курсе», то точка зрения о необходимости знания лингвистом реалий им решительно отвергается (с. 60).

За пределы лингвистики языка выводится также всё, что связано с сознательными процессами: «воля и разум» приписываются только речи (с. 52). «Язык – не деятельность говорящего. Язык – это готовый продукт, пассивно регистрируемый говорящим; он никогда не предполагает преднамеренности» (с. 52). Здесь можно предполагать скрытую полемику с В. фон Гумбольдтом, считавшим язык деятельностью; вопрос о пассивности и непреднамеренности отличал взгляды Соссюра от взглядов И. А. Бодуэна де Куртенэ (точка зрения Соссюра исключала сознательное вмешательство в язык и языковую политику, что вызвало жесткую критику ученика Бодуэна Л. П. Якубинского, см.: [Якубинский, 1931]). Любой закон в языке, по Соссюру, – лишь «случайный и невольный результат эволюции» (с. 119).

Наконец, говоря о проблемах, которые теперь принято называть типологическими, Соссюр указывал: «Язык дает сравнительно мало точных и достоверных данных о нравах и институтах народа, который пользуется этим языком» (с. 264). Он отрицал и «мнение, что язык отражает психологический склад народа», поскольку «языковые средства не обязательно определяются психическими причинами» (с. 264). Соссюр приводит два примера: свойственную семитским языкам особую синтаксическую конструкцию, именуемую *status constructus*, и появление в истории германских языков ранее отсутствовавших сложных слов с первым глагольным компонентом. Он считает, что первый пример «не позволяет делать каких-либо определенных выводов относительного мышления», а из второго примера не вытекает, что германцы «видоизменили модус мышления» (с. 264). Отмечу, что как раз семитские языки (вероятно, из-за бросающихся в глаза типологических особенностей в сочетании с недостаточно известной древней историей соответствующих народов) особенно часто связывались с «психическим складом» их носителей. Например, первый русский типолог И. П. Минаев (1840–1890) из действительно специфичной структуры семитского корня выводил монотеизм семитских народов [Минаев, б/г, с. 260–262]. Такие идеи, впрочем, не признавали уже младограмматики. А по сути, Соссюр отрицал возможность изучения того, что сейчас называют картинами мира. В итоге, отмечая, что типологические исследования «не лишены интереса», он пришел к выводу о том, что отсюда «нельзя делать каких-либо заключений о том, что лежит за пределами языка как такового» (с. 265).

Издание «Курса» завершается знаменитой фразой: «*Единственным и истинным объектом лингвистики является язык, рассматриваемый в себе и для себя*» (с. 269). Происхождение этой фразы, не зафиксированной в дошедших до нас конспектах, загадочно; существует гипотеза о том, что она придумана издателями курса Ш. Балли и А. Сеше и не соответствует идеям Соссюра [Холодович, 1977, с. 19]. Однако нельзя сказать, что собственные работы Балли и, особенно, Сеше больше соответствуют данной формулировке, чем «Курс», а фраза могла быть записью устного высказывания Соссюра.

Впрочем, именно Ш. Балли принадлежит формулировка, может быть, наиболее четко выражающая суть подхода Соссюра и его последователей. В книге 1913 г. он писал: чтобы у исследователя «появился некоторый шанс уловить реальное состояние языковой системы... он не должен иметь ни малейшего представления о прошлом этого языка, он должен полностью игнорировать связь языка с культурой и обществом, в котором этот язык функционирует, чтобы всё внимание исследователя было сосредоточено на взаимодействии языковых символов» [Балли, 2003, с. 39]. Таков был идеал структурализма, который, конечно, было легче достичь для изучавшихся дескриптивистами индейских языков, чем для французского, о котором шла речь у Ш. Балли.

В структурной лингвистике (правда, с неодинаковой степенью последовательности: по-разному очень строго у глоссематиков и дескриптивистов, менее жестко у прагматов, например) был выделен круг первоочередных задач: синхронное изучение языка. Остальные проблемы делились на относящиеся к лингвистике, но второстепенные (диахрония, фонетика, в том числе экспериментальная), и на то, чем лингвисты не должны заниматься, вроде «нравов и институтов народа, который пользуется языком».

Всю лингвистическую проблематику, вероятно, можно разделить на изучение трех ключевых вопросов: «Как устроен язык?», «Как функционирует язык?», «Как изменяется язык?». Исторически первым было изучение устройства языка, что отмечал и Ф. де Соссюр; в XVIII–XIX вв. ведущим стало исследование изменений в языке, а Соссюр говорил о необходимости вернуться к изучению его устройства. Однако самая важная и самая сложная задача изучения функционирования языка, несмотря на отдельные пионерские идеи В. фон Гумбольдта и др., до второй половины XX в. изучалась мало. Ф. де Соссюр же теоретически обосновал отказ от ее рассмотрения (по крайней мере, в первую очередь): всё функционирование языка у него относилось к игнорируемой сфере речи.

Но времена меняются. На смену структурализму пришли две иные парадигмы: генеративная и функциональная (последнюю я понимаю максимально широко, включая в нее и когнитивные, и коммуникативные иссле-

дования). Я не буду подробно останавливаться на хорошо известной критике Соссюра со стороны генеративистов, прежде всего самого Н. Хомского (1968), который назвал его концепцию языка «убогой и совершенно неадекватной» [Хомский, 1972, с. 32]. И все претензии Н. Хомского, в сущности, сводятся к неприятию значительного сужения лингвистической проблематики у Соссюра, который ограничивался лишь операциями сегментации и классификации, что «не оставляет места для глубинной структуры в смысле философской грамматики» [Там же, с. 31].

Функциональная же лингвистика редко критикует идеи Соссюра, однако ее подходы заметно отличаются от соссюровских. Это, в частности в нашей стране, стало заметно уже к 80-м гг. Один из примеров – статья А. Е. Кибрика «Лингвистические постулаты» (1983) [Кибрик, 1992а]. Среди постулатов: «Адекватная модель языка должна объяснять, как он устроен “на самом деле”» [Там же, с. 19]; «Всё, что имеет отношение к существованию и функционированию языка, входит в компетенцию лингвистики» [Там же, с. 20]; «Как содержательные, так и формальные свойства синтаксиса в значительной степени предопределены семантическим уровнем» [Там же, с. 21]; «Исходными объектами лингвистического описания следует считать значения» [Там же, с. 24]; «Устройство грамматической формы отражает тем или иным образом суть смысла» [Там же, с. 25]. В большинстве, как пишет сам А. Е. Кибрик, эти постулаты и до того высказывались в нашей науке. Однако их значимость возросла именно к 80-м гг.

О первом из постулатов А. Е. Кибрик писал: «Что такое “язык на самом деле”? Это совокупность тех знаний, которыми располагает человек, осуществляя языковую деятельность на соответствующем языке. В отличие от метода “черного ящика” “естественное” моделирование языка должно осуществляться с учетом того, как человек реально пользуется языком, то есть как он овладевает языком, как хранит в своей памяти знания о языке, как использует эти знания в процессе говорения, слушания, познавательной деятельности и т. д. <...> Предполагается, что различные по своему устройству объекты такого класса сложности, к которому относится естественный язык, не могут иметь идентичных “входов” и “выходов”. Конечно, далеко не все из перечисленных здесь процессов сейчас могут изучаться непосредственно, о многом мы можем судить лишь по косвенным данным, а во многих случаях пока что можно лишь высказывать более или менее правдоподобные гипотезы. Но стремление к указанной в вышеприведенной цитате адекватности очень важно, а оно заставляет расширять границы науки о языке и сближать ее с другими науками о человеке» [Там же, с. 19–20]. Напомним, что Соссюр осуждал «распахивание дверей перед целым рядом наук», в том числе психологией и антропологией.

Если Соссюр сужал объект исследований лингвиста, то здесь, наоборот, он безгранично расширяется. «То, что считается “не лингвистикой” на одном этапе, включается в нее на следующем» [Кибрик, 1992а, с. 20]. Нет ничего, что сознательно бы откладывалось «на потом», никакие границы заранее не устанавливаются.

И уже в 1970-е гг. активное развитие получили такие дисциплины, как лингвистика текста, теория речевых актов, прагматика, дискурсивный анализ. Соссюр выводил изучение функций языка за пределы лингвистики, хотя и в структурной лингвистике были направления, стремившиеся к нему (пражцы). Теперь функции языка в центре внимания. В последние десятилетия в России активно исследуются две главные функции языка, которые можно назвать соответственно коммуникативной и когнитивной (в ряде работ «когнитивная лингвистика» становится синонимом функциональной лингвистики вообще; см., например, [Кибрик, Кошелев, 2015, с. 22]). «В основе современного когнитивного подхода к языку лежит идея целенаправленной реконструкции когнитивных структур по данным внешней языковой формы. Реконструкция опирается на *постулат об исходной мотивированности языковой формы*: в той мере, в какой языковая форма мотивирована, она “отражает” стоящую за ней когнитивную структуру» [Кибрик, 2015, с. 32].

Среди областей лингвистики, наиболее активно развивавшихся в СССР в последние его годы, а затем в России, особо следует выделить типологию и семантику. Соссюр, считавший сопоставления языков «не лишними интереса», выступал против того, чтобы делать на их основе выводы о том, что находится вне языка в его понимании. Теперь же в России «на смену безраздельного господства... КАК-типологии приходит *объяснительная ПОЧЕМУ-типология*, призванная ответить не только на вопросы о существовании, но и о причинах существования / несуществования тех или иных явлений» [Кибрик, 1992б, с. 29]. А причины часто находятся вне языка в соссюровском смысле.

Семантика в российской лингвистике последних десятилетий занимает большее место, чем раньше, и она заметно отличается от той, какая была в эпоху структурализма. «Прагматизация значения имела далеко идущие последствия: значение высказывания стало считаться неотделимым от прагматической ситуации, а значение многих слов начали определять через указание на коммуникативные цели речевого акта... Значение слова стало рассматриваться в связи с коммуникативной направленностью речевого акта, то есть как орудие, посредством которого мы совершаем действие» [Арутюнова, Падучева, 1985, с. 13]. Иначе говоря, семантика определяется тем, что Соссюр относил к речи.

Активно изучаются так называемые языковые картины мира: ставится задача изучения национальных картин мира, свойственных носителям тех

или иных языков, установления связей языка с культурой и даже нравственностью. Другими словами, снова идет поиск в языке «данных о нравах и институтах народа, который пользуется этим языком», против чего предостерегал Соссюр.

Наконец, в большей степени, чем раньше, наука обратилась ко всему тому, что происходит «на самом деле», к реальным процессам порождения и восприятия речи. Теперь в отличие от 60-х гг. это считается существенной частью лингвистики. Правда, работа органов речи уже во времена Соссюра описывалась экспериментальной фонетикой, но анализ речевых механизмов мозга долго находился за пределами науки о языке, Соссюр об этом вовсе не упоминал. А сейчас он активно ведется в разных странах, включая Россию.

Тематика функциональной лингвистики неуклонно расширяется. Но при этом по сравнению с предшествующим периодом снизился уровень научной строгости (речь сейчас не идет об экспериментальных и прикладных исследованиях).

Популярная в России функциональная лингвистика значительно продвинулась в расширении круга изучаемых проблем, хотя отказалась от стремления к строгости и проверяемости результатов. То и другое далеко от того, из чего исходил Ф. де Соссюр. Показательно устное высказывание уже упоминавшегося А. Е. Кибрика: Соссюр остался в своем времени, а Э. Сепир гораздо более актуален.

И всё же многие идеи Ф. де Соссюра остаются актуальными. Даже такой его критик, как Н. Хомский, признавал: «Структурная лингвистика чрезвычайно расширила объем доступных нам сведений и неизмеримо увеличила надежность этих данных... Она подняла точность рассуждений о языке на совершенно новый уровень» [Хомский, 1972, с. 33] А заслуги Ф. де Соссюра в этом огромны. Но развитие науки и постановка новых проблем – необходимый и естественный процесс.

Список литературы

Аллатов В. М. Альбер Сеше и история лингвистики // Сеше А. Программа и методы теоретической лингвистики. Психология языка. М., 2003.

Арутюнова Н. Д., Падучева Е. В. Истоки, проблемы и категории прагматики // Новое в лингвистике. М., 1985. Вып. 16: Лингвистическая прагматика.

Балли Ш. Язык и жизнь. М., 2003.

Бодуэн де Куртенэ И. А. Избранные труды по общему языкознанию. М., 1963. Т. 1.

Кибрик А. Е. Лингвистические постулаты // Кибрик А. Е. Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания. М., 1992а.

Кибрик А. Е. Типология и задачи описательной лингвистики // Кибрик А. Е. Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания. М., 1992б.

Кибрик А. А. Когнитивный подход к языку // Язык и мысль. Современная когнитивная лингвистика. М., 2015.

Кибрик А. А., Кошелев А. Д. От составителей: когнитивная лингвистика – в поисках единства // Язык и мысль. Современная когнитивная лингвистика. М., 2015.

Матезиус В. Куда мы пришли в языкознании // Звегинцев В. А. История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях. М., 1960. Ч. 2.

[Минаев И. П.] Общее языкознание. Лекции, читанные проф. Минаевым студентам Петербургского университета в 1883/84 году. СПб., б/г.

Пауль Г. Принципы истории языка. М., 1960.

Поливанов Е. Д. Статьи по общему языкознанию. М., 1968.

Рахилина Е. В. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. М., 2000.

Холодович А. А. О «Курсе общей лингвистики» Фердинанда де Соссюра // Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. М., 1977.

Сеше А. Программа и методы теоретической лингвистики. Психология языка. М., 2003.

Хомский Н. Язык и мышление. М., 1972.

Шор Р. О. Рецензия на кн.: Волошинов В. Марксизм и философия языка // Русский язык в советской школе. 1929. № 3.

Якубинский Л. П. Ф. де Соссюр о невозможности языковой политики // Языковедение и материализм. М., 1931. Кн. 2.

Greenberg J. Rethinking Linguistics Diachronically // Language. 1979. Vol. 55.

Article metadata

Title: Ferdinand de Saussure and the World Linguistics (to the 100th Anniversary of the First Publication of «Course of General Linguistics»)

Author: V. M. Alpatov

Author's e-mail: v-alpatov@ivran.ru

Author affiliation: Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences

Abstract. F. de Saussure is considered the founder of the structuralism. On the other hand some scholars expressed ideas that were similar to structural ones before de Saussure; first of all we can mention N. Kruszewski and J. Baudouin de Courtenay; A. Sécheyay, a pupil of Saussure published some similar ideas in 1908. However the conception of Saussure was the clearest and the simplest, it determined the strict borders of linguistic branches: linguists

investigate language but not speech, synchronic linguistics but not diachronic one and so on. It was useful for some time: such restrictions gave opportunities to concentrate on the detailed study of a restricted sphere of phenomena. The structural period was undoubtedly important in the history of the world linguistics. There were significant differences between the old and new paradigms, the new paradigm gave the main consideration of synchronous studies and not of history of languages but it was not the only difference. F. de Saussure did not only enlarge the borders of the primary tasks of linguistics but narrowed them. He divided the spheres of language and speech, separated the internal linguistics from the external one and concentrated all the attention on the internal linguistics of language. He ignored problems of the connections of language with thought and culture. He fixed the new borders of linguistics that appeared to be too rigid. Some linguists (V. N. Voloshinov, V. I. Abaev and others) criticized the ideas of the structural linguistics but the new stage of the development of linguistics began from 1957 when N. Chomsky criticized F. de Saussure's very strictly. However the modern linguistics does not come to the generative one. The functional (cognitive and communicative) linguistics considers the descriptive approach to language inadequate and searches ways to building of the explanatory linguistics. It does not restrict its object and includes all phenomena connected with the processes of speech and audition in its sphere of research. The linguists of this type suppose that the adequate linguistic model must explain the real organization of language including the processes in the brain. Many linguistic branches are developed nowadays: neurolinguistics, psycholinguistics, sociolinguistics, pragmatics, discourse linguistics, linguistic-cultural studies and so on. All these branches exceed the borders established by F. de Saussure. The means of linguistics increased. The main fields of the structural studies were phonology and morphology but syntax, typology and especially semantics were not developed but nowadays linguistics got the resources to develop them too.

Key terms: Saussure, Baudouin, Séchehay, langue, parole, synchronous linguistics, diachronous linguistics, internal linguistics, external linguistics, structuralism, functionalism, cognitive linguistics, communicative linguistics.

Reference literature (in transliteration):

Alpatov V. M. Al'ber Seshe i istorija lingvistiki // Seshe A. Programma i metody teoreticheskoj lingvistiki. Psihologija jazyka. M., 2003.

Arutjunova N. D., Paducheva E. V. Istoki, problemy i kategorii pragmatiki // Novoe v lingvistike. M., 1985. Vyp. 16: Lingvisticheskaja pragmatika.

Bally Ch. Jazyk i zhizn'. M., 2003.

Boduen de Kurtene I. A. Izbrannye trudy po obshhemu jazykoznaniju. M., 1963. T. 1.

Chomsky N. Jazyk i myshlenie. M., 1972.

- Greenberg J. Rethinking Linguistics Diachronically // *Language*. 1979. Vol. 55.
- Holodovich A. A. O «Kurse obshhej lingvistiki» Ferdinanda de Sossjura // Sossjur F. de. *Trudy po jazykoznaniju*. M., 1977.
- Jakubinsky L. P. F. de Sossjur o nevozmozhnosti jazykovej politiki // *Jazykovedenie i materializm*. M., 1931. Kn. 2.
- Kibrik A. A. Kognitivnyj podhod k jazyku // *Jazyk i mysl'. Sovremennaja kognitivnaja lingvistika*. M., 2015.
- Kibrik A. A., Koshelev A. D. Ot sostavitelej: kognitivnaja lingvistika – v poiskah edinstva // *Jazyk i mysl'. Sovremennaja kognitivnaja lingvistika*. M., 2015.
- Kibrik A. E. Lingvisticheskie postulaty // Kibrik A. E. *Ocherki po obshhim i prikladnym voprosam jazykoznanija*. M., 1992a.
- Kibrik A. E. Tipologija i zadachi opisatel'noj lingvistiki // Kibrik A. E. *Ocherki po obshhim i prikladnym voprosam jazykoznanija*. M., 1992b.
- Mathesius V. Kuda my prishli v jazykoznanii // Zvegincev V. A. *Istorija jazykoznanija XIX i XX vekov v ocherkah i izvlechenijah*. M., 1960. Ch. 2.
- [Minaev I. P.] *Obshhee jazykoznanie. Lekcii, chitannye prof. Minaevym studentam Peterburgskogo universiteta v 1883/84 godu*. SPb., b/g.
- Paul' G. *Principy istorii jazyka*. M., 1960.
- Polivanov E. D. Stat'i po obshchemu yazykoznaniju. M., 1968.
- Rahilina E. V. Kognitivnyj analiz predmetnyh imen: semantika i sochetajemost'. M., 2000.
- Secheyayev A. *Programma i metody teoreticheskoj lingvistiki. Psihologija jazyka*. M., 2003.
- Shor R. O. Recenzija na kn.: Voloshinov V. *Marksizm i filosofija jazyka // Russkij jazyk v sovetskoj shkole*. 1929. № 3.